

Правовая политика, правовой порядок и общественный контроль в пенитенциарной системе

Е. В. СВИНИН

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>, e-mail: evsvinin@yandex.ru

А. Н. КУБЫШКИН

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3991-9423>, e-mail: telyatnickow.alex@yandex.ru

Реферат

Введение: изучение состояния правового порядка в различных отраслях и институтах российского права является не только теоретической, но и прикладной проблемой. Ее решение затрагивает эффективность организации правового регулирования общественных отношений. Ключевое значение имеют категории правовой политики и правопорядка. Они не только взаимообуславливают друг друга, но и необходимы для понимания направлений повышения эффективности функционирования общественного контроля над пенитенциарной системой. *Методы:* в работе используются догматико-правовой анализ научных теоретико-правовых категорий и формально-юридический анализ действующего законодательства. *Результаты:* правовой порядок является результатом воплощения правовой политики государства в системе юридических норм, процедурах их реализации и результатах действия. Использование философских категорий «форма» и «содержание» позволило выявить характерные черты правовой политики как научного понятия. В работе аргументируется положение о том, что формы правовой политики целесообразно разграничивать не по виду юридической деятельности, а в зависимости от этапов регулирования. Этапу рационального правообразования соответствует ненормативная форма правовой политики, суть которой состоит в принятии различного рода концепций и стратегий развития; правотворчество как этап создания нормы права запускает механизм ее общего действия и сопровождается нормативной формой; реализация норм рассматривается как завершающий этап регулирования, который характеризуется наличием казуальной правовой политики. Содержание правовой политики образует единство целей, средств и принципов деятельности. *Обсуждение:* основное внимание уделяется анализу содержания нормативной правовой политики в сфере общественного контроля над деятельностью уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Содержательные особенности этой формы правовой политики обусловлены спецификой предмета и метода регулирования и выступают в качестве принципов, непосредственно не закрепленных в законодательстве, но вытекающих из его духа и смысла. Эти принципы позволяют составить объективное представление о содержании правопорядка.

Ключевые слова: правовая политика; правопорядок; общественный контроль; уголовно-исполнительная система Российской Федерации; общественные наблюдательные комиссии.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история о праве и государстве (юридические науки).

Для цитирования: Свинин Е. В., Кубышкин А. Н. Правовая политика, правовой порядок и общественный контроль в пенитенциарной системе. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 1 (53), с. 20–32. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-1-20-32.

Legal Policy, Legal Order and Civic Oversight in the Penal System

EVGENII V. SVININ

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>, e-mail: evsvinin@yandex.ru

ALEKSEI N. KUBYSHKIN

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3991-9423>, e-mail: telyatnickow.alex@yandex.ru

Abstract. Introduction: the study of the state of legal order in various branches and institutions of Russian law is both a theoretical and an applied issue. Finding a solution to this issue affects the efficiency of organizing legal regulation of civic relations. The categories of legal policy and legal order are of key importance in this regard. They are not only mutually dependent, but also necessary for understanding the ways to improve the efficiency of civic oversight of the penitentiary system. Methods: we use dogmatic and legal analysis of scientific theoretical and legal concepts and formal and legal analysis of the current legislation. Results: legal order stems from the implementation of legal policy of the state in the system of legal norms, procedures for their implementation and results of their fulfillment. The use of philosophical categories such as “form” and “content” allows us to identify characteristic features of legal policy as a scientific concept. We prove that it is advisable to distinguish legal policy forms depending on the stages of regulation rather than on the types of legal activity. The stage of rational law-forming process corresponds to the “non-normative” form of legal policy, which consists in the adoption of various concepts and strategies for development; law-making as a stage at which the rule of law is established launches the mechanism for its general application and is accompanied by the “normative” form; the implementation of norms is seen as a final stage of regulation, which is characterized by the presence of casual legal policy. The content of legal policy constitutes a unity of goals, means and principles of activity. Discussion: we focus mainly on analyzing the content of normative legal policy in the sphere of civic oversight of the activities of Russia’s penal system. Content-related specifics of this form of legal policy are determined by the features of the subject and method of regulation and are viewed as principles that are not directly enacted in the legislation, but follow from its “spirit” and meaning. These principles allow us to form an objective view of the content of legal order.

Keywords: legal policy; legal order; civic oversight; penal system of the Russian Federation; non-governmental monitoring commissions.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state.

For citation: Svinin E.V., Kubyshkin A.N. Legal policy, legal order and civic oversight in the penal system. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 1 (53), pp. 20–32. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-1-20-32.

Введение

Изучение правового порядка в различных сферах правового регулирования имеет важное теоретическое и прикладное значение. Не является исключением и общественный контроль над деятельностью уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Правовое регулирование общественного контроля приобрело системный характер в 2008 г. [10], однако в практике реализации норм обна-

ружился ряд проблем, которые снижают уровень правового порядка. Представляется, что понимание природы некоторых из них возможно сквозь призму правовой политики.

Правовая политика направляет правовую жизнь в нужное русло, видоизменяет, совершенствует ее в соответствии с теми целями и задачами, а также приоритетами, которые стоят перед государством на данном этапе развития общества [5, с. 41].

В правовой политике воплощается единство правовых идеалов, права и практики его применения. Сара Армстронг справедливо отмечает, что политика является важным средством, с помощью которого права человека гарантируются в тюрьме. Нарушения прав человека в заключении часто объясняются плохо осуществляемой или отсутствующей политикой, но редко возникают вопросы о технических аспектах политики и о том, как они формируют конкретные средства реализации идеала права [16]. Именно поэтому правовая политика имеет большое методологическое значение для исследования состояния правопорядка.

В юридической науке можно встретить различные подходы к определению понятия «правовая политика». Как справедливо указывают Е. А. Богославский и А. Г. Эртель, современное понимание категории «правовая политика» является достаточно многозначным и в правовой науке этот термин употребляется в нескольких различных смысловых контекстах. Анализ мнений по данному вопросу позволяет говорить о правовой политике как особом виде государственной политики, особом феномене, явлении, а в целом – мощном средстве преобразования общественных отношений [2, с. 30].

Рассмотрим некоторые подходы и сформируем собственную точку зрения.

Предельно краткое, но емкое определение было предложено Н. И. Матузовым: правовая политика – это комплекс целей, мер, задач, программ, установок, реализуемых в сфере права и посредством права [7, с. 34].

Более развернутую дефиницию формулирует А. В. Малько. По его мнению, правовая политика – это научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности [6, с. 41].

Если сравнивать два определения, то можно увидеть, что первое носит нейтральный характер, второе имеет в большей степени социальную направленность. А. В. Малько подчеркивает необходимость

достижения важнейших гуманистических целей права. С одной стороны, это стремление заслуживает одобрения, однако нельзя не отметить, что оно формирует идеалистическую картину правовой политики, представление о ней как о некоем идеале. На наш взгляд, это может служить серьезным недостатком при оценке реальной политики, поскольку она не всегда соответствует высоким нравственным идеалам.

Представляется, что в понимании правовой политики важно отталкиваться от следующих положений: во-первых, правовую политику можно считать отдельным видом политики государства; во-вторых, правовая политика основывается на правовом регулировании и в то же время детерминирует его; в-третьих, правовая политика отражает идеалы и ценности, выступающие ориентиром создания норм права; в-четвертых, действующие нормы служат воплощением правовой политики. Принимая во внимание указанные наиболее общие характерные черты, считаем возможным сформулировать следующее определение: правовая политика – это политика, которую государство реализует в сфере планирования, организации и осуществления правового регулирования посредством программно-идеологических, нормативных и индивидуальных правовых предписаний.

Правовой порядок является своеобразным результатом действия права и в этом смысле отражает степень достижения целей правовой политики, адекватность использования ее средств в правовой жизни общества. Наша позиция в отношении сущности правопорядка заключается в том, что его необходимо рассматривать как многоаспектное явление, которое характеризует систему юридических норм (публичный правопорядок), процесс их реализации (правовые процедуры, то есть правовой порядок взаимодействия субъектов) и результаты их действия, имеющие как социальную, так и юридическую природу.

Методы исследования

В статье используется догматический анализ терминологического аппарата, исследуются теоретические подходы к понятию «правовая политика», «правовой порядок», выявляются сильные и слабые стороны теоретических подходов, формируется собственная позиция. Применяется также формально-юридический метод анализа законодательства, регламентирующе-

го осуществление общественного контроля над деятельностью российской пенитенциарной системы.

Результаты догматического анализа формы и содержания правовой политики как теоретико-правовой категории

Правовая политика предшествует появлению норм либо определяет характер, общую направленность их реализации, а следовательно, имеет важнейшее значение для понимания предпосылок возникновения, а также особенностей содержания правопорядка.

Для того чтобы составить комплексное представление о том, как взаимосвязаны правовая политика и правопорядок, необходимо рассмотреть специфику формы и содержания правовой политики. Парные диалектические категории «форма» и «содержание» позволяют охарактеризовать правовое явление в целостном виде, раскрыть его признаки, внутренние связи, а также особенности внешнего выражения и организации содержания.

Формы правовой политики зависят от этапов правового регулирования: первый (предправовой) этап характеризует процессы правообразования, то есть зарождение нормы права, второй – ее создание (правотворчество) и действие. Таким образом, с одной стороны, следует выделять форму, которая предшествует появлению норм права и выражается в комплексе идей, ценностей и целей, закрепленных в программных документах (стратегиях, концепциях, планах и т. д.). Эту форму правовой политики можно условно назвать ненормативной, поскольку она предшествует появлению конкретных норм права. С другой стороны, необходимо учитывать, что действующее законодательство также является выражением правовой политики. Система юридических норм обеспечивает устойчивость и порядок в общественных отношениях, является проводником государственной воли. Государство, определяя предмет и метод правового регулирования, тем самым выражает свою политическую заинтересованность в развитии того или иного общественного отношения. Можно сказать, что юридические нормы отражают господствующую правовую политику, которая условно может быть обозначена как нормативная.

В юридической науке есть мнение о том, что основными формами правовой политики являются правотворческая и правоприменительная.

Так, Р. В. Пузиков отмечает, что правотворческая форма заключается в научно обоснованном виде деятельности государственных структур и гражданского общества, которая определяет стратегию и тактику правотворчества. Правоприменительная политика характеризует управленческую деятельность в сфере реализации права путем использования специальных политико-правовых средств, выражается в совокупности программно-директивных установок, организационно-управленческих средств и направлений правоприменительной практики [12].

Представляется, что Р. В. Пузиков смешивает форму и вид правовой политики. Правотворчество и правоприменение являются видами юридической деятельности, в рамках которых происходит реализация правовой политики, поэтому правотворческую и правоприменительную политику разумнее рассматривать в качестве специфических видов, которые выделяются на основе такого критерия, как вид юридической деятельности.

Нормативная и ненормативная формы правовой политики носят общий характер, поскольку адресованы персонально неопределенному кругу субъектов. Содержание общей правовой политики вообще и в сфере общественного контроля в частности раскрывается в таких видах деятельности, как рациональное правообразование (то есть издание различного рода концепций, стратегий развития) и правотворчество.

Вместе с тем необходимо различать и казуальные формы правовой политики, которые изначально связаны с рассмотрением конкретных дел, а в последующем проявляют себя как тенденции (прецеденты) в таких видах деятельности, как правоприменение, правореализация и правоинтерпретация.

К примеру, в России суды заметно меньше стали выносить судебных приговоров с мерой наказания в виде лишения свободы. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, лишения свободы в 2019 г. составило лишь 30 % от всех уголовных наказаний [3].

Правовая политика, формирующая тенденции правоприменительной практики, не всегда может способствовать укреплению правопорядка. К примеру, в Великобритании распространение получило назначение наказания с лишением свободы на короткий

срок (от 3 до 6 месяцев). Сара Армстронг и Бет Уивер изучили эффективность кратких сроков пребывания в тюрьме и пришли к выводам об отсутствии таковой.

По мнению ученых, правоприменительная политика не учитывает, что короткие тюремные сроки приводят к парадоксальной ситуации: они кажутся осужденным слишком легкими и слишком жесткими, то есть причиняют как небольшую, так и слишком большую боль из-за длительного повторения краткосрочного опыта. Здесь напрашивается сравнение с фильмом «День сурка». Но в отличие от его главного героя, который немного по-разному реагирует на один и тот же короткий момент, пока не достигает прозрения, которое меняет его жизнь, заключенные заново переживают идентичные моменты ошеломляющей монотонности, которые дают мало возможностей для успешного продолжения жизни. Таким образом, ученые считают необходимым скорректировать правоприменительную политику в сторону увеличения числа общественных наказаний, не связанных с изоляцией от общества [15, с. 300].

Правореализация характеризует правовую политику локально, на уровне отдельных учреждений. Гарри Эннисон справедливо указывает на неразрывную связь внешних структурных изменений и индивидуального понимания правовой политики [13, с. 309].

Процесс разработки политики бессистемен и нелинеен. Происходят неожиданные события, продолжающиеся политические баталии служат определенным целям. Запоздалые опасения «якобы по поводу мелких деталей» могут «фундаментально повлиять на природу итоговой политики». Решение младшего государственного служащего или одно заявление парламента может резко изменить курс уголовной политики [13, с. 313].

Из этого следует важный вывод о том, что правовая политика должна затрагивать не только сферу внешних изменений, в данном случае систему правового регулирования (нормативного и индивидуального уровней), но и сферу правовой культуры сотрудников, участвующих в реализации уголовно-исполнительных норм.

В этом контексте интерес представляет коллективная статья Элисон Либлинг, Бена Лавс и других ученых, в которой была проанализирована деятельность Уоррен Хилл – небольшой тюрьмы на побережье Саффолка с особым духом и уникальным режимом.

Большинство из 244 заключенных в ней отбывают тюремное заключение в целях общественной защиты (IPP) или пожизненное заключение. Опыт учреждения иллюстрирует тот факт, что политика как совокупность индивидуальных убеждений сотрудников в ценности норм и доверительном отношении к осужденным может влиять на характер правоприменительной практики. Авторы статьи указывают, что персонал контролировал тюрьму, а заключенные знали об установленных правилах и границах поведения, но при этом режим не был репрессивным или жестким. Власть основывалась на взаимном уважении заключенных и персонала. Режим помогал заключенным находить индивидуальный путь к переменам через искусство, групповую работу и проекты [16, с. 106].

Персонал хорошо знал заключенных, мог распознавать тонкие изменения в их поведении и обладал глубоким пониманием их эмоционального состояния. Это давало заключенным уверенность в том, что их чувства имеют значение, и способствовало формированию ощущения «истинной заботы» [14, с. 113].

Таким образом, отношение сотрудников к своим профессиональным обязанностям свидетельствует об уровне их правовой культуры и неизбежно приводит к формированию казуальной правовой политики как некоего набора принципов и идей, служащих основой для принятия решений на локальном уровне отдельного учреждения.

Правоинтерпретационная деятельность также связана с правовой политикой. Подтверждением этому могут служить прецедентные решения Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ).

К примеру, в зарубежной юридической литературе широко обсуждается решение ЕСПЧ, которое заметно корректирует правовую политику в сфере реализации Европейского ордера на арест. Суд признал, что в случаях серьезного риска бесчеловечного обращения в тюрьмах выдающего государства-члена процедура передачи в исполняющем государстве-члене должна быть приостановлена до тех пор, пока достаточная дополнительная информация не снизит этот риск [19, с. 103]. Яннемике Оверкерк обращает внимание на то, что указанное решение подрывает доверие внутри европейских стран, кроме того, возникает неопределенность в отношении сроков нахождения лица

в заключении и возможности освобождения, если не будут представлены данные об отсутствии угрозы пыток и других серьезных нарушений прав человека.

В России прецедентный характер решений ЕСПЧ также влияет на пенитенциарную политику. К примеру, в постановлении ЕСПЧ от 30.06.2015 «Дело Хорошенко (Khoroshenko) против Российской Федерации» (жалоба № 41418/04) рассматривалась жалоба заявителя, отбывающего пожизненное тюремное заключение, на ограничения контактов с членами семьи, предусмотренные строгим режимом содержания под стражей в колонии особого режима. ЕСПЧ пришел к выводу о том, что «строго карательные и направленные на изоляцию цели оспариваемого законодательства Российской Федерации о праве заключенного на свидания с родственниками являются незаконными». Также указывалось следующее: «Учитывая системное действие этого Постановления в национальной системе Российской Федерации, для государства-ответчика также важно привести свое законодательство о праве заключенных на свидания в соответствие с международными стандартами» [4].

В последующем были приняты постановление Конституционного Суда Российской Федерации [11] и федеральный закон [8], которые внесли необходимые изменения в УИК РФ, предоставив дополнительные гарантии осужденным. К примеру, осужденным, отбывающим наказание на строгом режиме в тюрьмах, разрешено иметь одно длительное свидание в течение года дополнительно к двум краткосрочным.

Рассмотрев формы правовой политики, которые могут иметь ненормативный, нормативный и казуальный характер, перейдем к анализу содержания правовой политики.

Если категория «форма» раскрывает особенности организации правовой политики, то категория «содержание» характеризует совокупность элементов, ее образующих. В силу этого содержание правовой политики связано с наиболее общими установками и принципами. Этим правовая политика отличается от норм права и индивидуальных правовых предписаний. В связи с тем что правовая политика всегда отражает идеалы, ценности и цели развития, ее содержание отличается определенной вариативностью и неопределенностью.

Представляется, что в качестве универсального содержания правовой полити-

ки можно рассматривать единство цели, средств и принципов деятельности.

Ненормативная форма правовой политики не имеет прямого юридического значения, она не может порождать правовых последствий в сфере юридической практики, но в то же время служит важным источником правообразования. В систематическом виде ненормативная правовая политика в области общественного контроля над деятельностью российской пенитенциарной системы определяется в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. [9].

Целостность и системность концепции обеспечиваются идеологическим единством провозглашенной цели, задач и средств их достижения. В своей совокупности они образуют содержание ненормативной правовой политики. Средствами достижения цели и задач выступают концептуальные идеи, то есть идеи развития. По отношению к действующему законодательству они проявляют себя как принципы, фундаментальные идеи его совершенствования.

Гуманизация условий содержания как цель концепции является генеральной стратегией развития отечественной уголовно-исполнительной системы, в рамках которой институту общественного контроля отводится значимое место. Одна из задач, конкретизируя цель концепции, закрепляет необходимость обеспечения прозрачности уголовно-исполнительной системы, а также расширения сотрудничества с гражданским обществом. Эта задача уточняется в п. 6 разд. III «Основные направления развития уголовно-исполнительной системы», анализ которого позволяет выделить ряд принципов содержания ненормативной правовой политики: во-первых, необходимость развития многообразных форм участия институтов гражданского общества в деятельности УИС; во-вторых, организация и осуществление взаимодействия между институтами общественного контроля и общественного содействия; в-третьих, необходимость развития общественной оценки функционирования уголовно-исполнительной системы, которая должна стать одним из показателей ее эффективности.

Содержание нормативной правовой политики раскрывается через совокупность исходных норм, определяющих цели и принципы регулирования. К примеру, в соответ-

ствии с ч. 1 ст. 6 федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [10] целью деятельности общественных наблюдательных комиссий является содействие реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания. В ч. 1 ст. 4 указанного закона определяются принципы этой деятельности: приоритет прав человека, добровольность, равноправие, объективность и законность.

В странах Западной Европы важнейшим принципом правовой политики признается реинтеграция. К примеру, Соня Мейер отмечает, что реинтеграция является положительным обязательством государства, выражает сущность его правовой политики и распространяется на всех осужденных, даже тех, кто осужден к пожизненному лишению свободы [18, с. 149]. Этот вывод автор делает, исходя из анализа решений Европейского суда по правам человека и конституционных норм. Так, в Испании Конституция предусматривает, что приговоры к тюремному заключению должны быть ориентированы на перевоспитание и социальную реабилитацию преступников [18, с. 152].

В Германии социальная реинтеграция также основывается на фундаментальных положениях Основного закона. Так, принцип ресоциализации вытекает из идеи конституционного уважения человеческого достоинства: люди имеют право на достоинство и право на свободное развитие своей личности (ст. 1 и 2 Основного закона). Кроме того, социальная реинтеграция рассматривается как цель, к которой должна стремиться пенитенциарная система, в соответствии с конституционным принципом социального государства [18, с. 153].

В то же время Соня Мейер указывает на неоднородность понимания принципов социальной реинтеграции. К примеру, в Нидерландах эта идея имеет существенные отличия от немецкого ее варианта и применяется не ко всем, а лишь к заключенным, которые заинтересованы в исправлении и принимают участие в реабилитационных мероприятиях [18, с. 154].

Указанные положения свидетельствуют о том, что содержание нормативной правовой политики государства в пенитенциарной сфере неразрывно связано с правовыми

принципами, которые напрямую не порождают конкретных правовых отношений, но являются важными для понимания духа законодательства, его действительного смысла.

Содержание казуальной политики определяется объемом дискреционных полномочий, которые устанавливают возможности издания индивидуальных предписаний в отношении осужденных, и уровнем правовой культуры субъектов. Убежденность в необходимости идеи справедливости, равенства, законности формирует конструктивные установки у сотрудников и способствует соблюдению прав осужденных, обеспечению правопорядка. Содержанием казуальной политики становятся создаваемые и поддерживаемые прецеденты, на основе которых развивается дальнейшая правоприменительная и правореализующая деятельность в исправительном учреждении. В этой связи сущностный анализ казуальной политики был бы весьма интересен на основе предлагаемого Гарри Эннисоном интерпретационного подхода как совокупности веры, традиции, дилеммы и практики [13].

Обсуждение взаимосвязи правовой политики и правопорядка в сфере правового регулирования общественного контроля за отечественной пенитенциарной системой

В рамках обсуждения взаимосвязи правовой политики и правопорядка хотелось бы заострить внимание на отдельных дискуссионных, не нашедших однозначного решения вопросах. Ранее нами отмечалась тесная взаимосвязь нормативной правовой политики и действующего законодательства, более того, утверждалось, что исходные нормы права образуют ее важнейшую сторону содержания. Однако содержание нормативной правовой политики не может быть сведено только к ним. Нормативная правовая политика проявляется в нормах права отвлеченно, абстрактно, как некая характеристика общей модели правового регулирования.

Анализ законодательства позволяет выделить ряд принципов правовой политики, которые непосредственно не закреплены, но вытекают из духа закона, характера предмета и метода регулирования. Эти принципы позволяют говорить о недопустимости прямого, механического отождествления содержания правовой политики и норм права. Приводимые ниже принципы выражают политическую волю государства и характеризуют важнейшие параметры правопорядка.

Считаем, что укрепление правопорядка напрямую связано с последовательностью реализации этих принципов, в числе которых хотелось бы назвать следующие: 1) субъектность; 2) консультативность; 3) автономность; 4) конструктивность; 5) координация и сотрудничество; 6) открытость. Предпринимем попытку раскрыть указанные принципы в контексте содержательных сторон правового порядка.

Субъектность. Существующий правопорядок основывается на существенном ограничении субъектов общественного контроля. Представляется, что ограничение круга субъектов, осуществляющих общественный контроль, не следует рассматривать как ущемление интересов гражданского общества. Наличие специального субъекта свидетельствует о желании упорядочить общественный контроль, обеспечить его конструктивную роль в сфере функционирования государственного механизма.

Многообразие общественных организаций, так или иначе заинтересованных в наблюдении за уголовно-исполнительной системой и вовлеченных в этот процесс, потребовало принятия решения об упорядочении субъектов контроля. Государство не может предоставить любому субъекту юридическую возможность заниматься контролем и проверкой деятельности уголовно-исполнительной системы, поскольку это приведет к существенному отходу от реализации основных задач и тем самым дестабилизирует систему. В этой связи функция по реализации общественного контроля возлагается на тех субъектов, которые определены в законодательстве. В качестве таковых выступают общественные наблюдательные комиссии (далее – ОНК), общественные палаты, общественные советы. Вместе с тем следует отметить, что отдельные специальные нормы (к примеру, ст. 23 УИК РФ) закрепляют в качестве субъекта общественного контроля ОНК и ее членов, что указывает на некоторую несогласованность и непоследовательность законодательства.

Для формирования целостного видения проблемы необходимо различать формальную и фактическую стороны. С формально-юридической стороны субъектами общественного контроля могут быть лишь те субъекты, которые напрямую названы в законе. Вместе с тем нельзя не отметить, что фактически контроль могут осуществлять и другие субъекты. К примеру, в качестве та-

ковых способны выступать средства массовой информации. Весьма показательны в этом отношении публикации «Новой газеты» о пытках в исправительных учреждениях Ярославской области [1]. Заметим, что факты нарушений прав человека не были выявлены ни уполномоченным по правам человека в Ярославской области, ни ОНК.

В зарубежной литературе также отмечается важная роль средств массовой информации в сфере общественного контроля. В отдельных случаях их деятельность может способствовать изменению пенитенциарной политики [17].

Джейми Беннет отмечает, что люди используют знания, полученные из средств массовой информации, для построения картины мира, образа реальности, на котором они основывают свои действия. Этот процесс иногда называется социальным конструированием реальности [17, с. 99]. Одним из средств воздействия выступают так называемые тюремные фильмы. В качестве примера автор приводит фильм «Я – беглец из цепной банды» (1932), который вызвал конкретные изменения в пенитенциарной системе Джорджии. Все это демонстрирует силу средств массовой информации в усилении подотчетности пенитенциарной системы через подчеркивание ненадлежащих действий правительства и улучшение правосудия. В некоторой степени средства массовой информации имеют широкое социальное значение, поскольку служат для условного обозначения социальных и политических тенденций, преобладающих в конкретном сообществе. Они могут не только иллюстрировать происходящие в обществе процессы, но и дать толчок к развитию новых форм взаимодействия, в том числе на основе художественных образов [17, с. 103].

Консультативность. Правопорядок основывается на принципе мягкого права общественного контроля. Иными словами, решения субъектов общественного контроля не имеют юридически обязательного характера для государственных органов. Консультативный характер рекомендаций обусловлен тем, что ОНК и другие субъекты относятся к институтам гражданского общества, а не являются частью государственного механизма и поэтому не наделяются (и не могут наделяться) властными полномочиями. Обязательность решений должна основываться на личном, моральном авторитете,

который сочетается с возможностью широкой огласки выявленных нарушений.

Автономность. Состояние правопорядка основывается на последовательной реализации идеи финансовой и организационной независимости ОНК. С одной стороны, автономность ОНК позволяет независимо и свободно реализовать общественный контроль, с другой стороны, организационная независимость обуславливает и финансовую независимость, которая на практике оборачивается материальными и финансовыми проблемами в деятельности.

Однако общественный контроль не может и не должен подменять деятельность государственных органов, поэтому государство не может и не должно содержать субъектов общественного контроля за счет средств федерального бюджета. Нельзя не учитывать, что в основном функция обеспечения прав человека в местах принудительного содержания должна быть возложена на институты ведомственного контроля и прокурорского надзора. Общественный контроль выступает дополнительным, субсидиарным средством. Следует также принимать во внимание, что этот институт является проявлением активности гражданского общества, его независимости и неподконтрольности государству. Именно поэтому государство напрямую не может и не должно финансировать деятельность ОНК. В противном случае будут иметь место огосударствление общественного контроля, утрата им общественной природы и превращение в элемент государственного механизма.

Оптимальной формой поддержки общественного контроля могла бы стать грантовая помощь либо законодательное закрепление права членом ОНК иметь неограниченный круг общественных помощников.

Особо отметим, что автономность общественного контроля имеет важное значение. Весьма интересной и заслуживающей внимания является идея Сары Армстронг о том, что формальное провозглашение прав человека, их закрепление в уголовном праве и политике не являются достаточными. Более того, именно права человека могут способствовать бюрократизации тюремной системы и в конечном счете создавать новые возможности для буквального и символического насилия [16]. Предотвратить появление подобных негативных тенденций способен лишь независимый общественный контроль.

Конструктивность. Состояние правопорядка основывается на том, что институт общественного контроля приносит пользу как конкретному человеку, так и государству в целом. Общественный контроль за местами принудительного содержания должен способствовать обеспечению прав человека. При этом деятельность ОНК не может и не должна носить политический характер. При осуществлении общественного контроля члены ОНК должны руководствоваться идеей верховенства прав человека, закрепленной в ст. 2 Конституции Российской Федерации. Члены ОНК должны объективно и непредвзято оценивать ситуацию в сфере прав человека в местах принудительного содержания. В ходе своей деятельности они призваны не только выявлять возможные нарушения, но и формулировать предложения по совершенствованию деятельности администрации места принудительного содержания. В этой связи вполне закономерно, что одной из задач деятельности ОНК является «подготовка решений в форме заключений, предложений и обращений по результатам осуществления общественного контроля».

Координация и сотрудничество. Состояние правопорядка в сфере общественного контроля определяет идея сотрудничества и доверия между государством и гражданским обществом. Государство, предоставляя ОНК возможность осуществлять общественный контроль, возлагает на этот институт гражданского общества и более широкие задачи. В частности, ОНК в соответствии с ч. 3 ст. 6 федерального закона № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» призваны оказывать «содействие сотрудничеству общественных объединений, социально ориентированных некоммерческих организаций, администраций мест принудительного содержания, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, осуществляющих в пределах территории субъекта Российской Федерации полномочия по обеспечению законных прав и свобод, а также условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания». Это позволяет говорить о том, что общественный контроль является элементом сложной

системы сотрудничества государства и общества. Лишь на основе взаимодействия, реализуемого в разных формах, можно успешно продвигаться в реформировании уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, обеспечивая высокий уровень гарантированности и реальности прав человека.

Субъекты общественного контроля не должны восприниматься исключительно как контрольная инстанция. Их предназначение состоит в активизации и координации усилий гражданского общества в сфере обеспечения прав осужденных и их успешной ресоциализации. В этой связи весьма интересен зарубежный опыт привлечения наставников, оказывающих неформальную поддержку в сфере искусства и художественного творчества. В этом качестве выступают художники, прошедшие соответствующее обучение и работающие в различных областях (живопись, рисунок, скульптура, кино и анимация, иллюстрация) [20, с. 488].

Наставники стремились помочь подопечным переосмыслить свою идентичность – от бывших преступников к художникам. Добровольный статус наставников использовался как средство, чтобы подчеркнуть их искреннюю заботу о своем деле [20, с. 494].

Учитывая негативные последствия длительного тюремного заключения и сложность адаптации подопечных к жизни во внешнем мире, деятельность наставников оказалась крайне важной, поскольку способствовала эффективной реинтеграции людей в общество [20, с. 499].

В российской правовой системе отсутствуют правовые основания для внедрения института наставничества в рассмотренном выше варианте. На наш взгляд, внедрение такого опыта могло бы показать свою эффективность в достижении цели исправления осужденных. Вернуться в общество – значит быть социально полезным. У осужденных должно формироваться стремление к личностному росту, в чем могут помочь наставники из сфер искусства, спорта, бизнеса и т. д.

Открытость. Состояние правопорядка зависит от эффективности общественного контроля, важной характеристикой которого является открытость. Общество заинтересовано в получении объективной и всесторонней информации о деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и других субъектов го-

сударственного механизма, реализующих функции юридической ответственности. В этой связи на ОНК справедливо возлагается информационно-просветительская функция: задачи ОНК связаны не только с осуществлением общественного контроля, но и с информированием общества, а также заинтересованных государственных органов о результатах проведенных проверок. Открытость порядка проведения и результатов общественного контроля способствует повышению доверия населения как к государству, так и к ОНК. Информационная же закрытость деятельности ОНК чревата искажением сущности этого института гражданского общества.

Общественный контроль должен преследовать не только цели превенции, выявления и пресечения нарушений прав человека в местах принудительного содержания, деятельность его субъектов должна способствовать формированию общественной оценки функционирования уголовно-исполнительной системы. Укрепление правопорядка объективно нуждается в существовании определенной методики, четких критериев и показателей общественной оценки уголовно-исполнительной системы. Разработка единой методики может осуществляться субъектами общественного контроля как самостоятельно, так и с участием Федеральной службы исполнения наказаний и подведомственных ей образовательных и научных организаций.

Наличие единой методики позволило бы решить несколько проблем в сфере укрепления правопорядка: во-первых, это получение объективной информации о состоянии правопорядка (обязательная публикация содержательных и развернутых докладов является важнейшим условием осуществления общественного контроля); во-вторых, обеспечение преемственности деятельности между составами общественных наблюдательных комиссий; в-третьих, повышение профессионализма членов общественных наблюдательных комиссий благодаря наличию четких ориентиров деятельности.

Заключение

Тесная взаимосвязь между правовой политикой и правопорядком должна постоянно находиться в зоне внимания исследователей. Игнорирование этого фактора может привести к ошибочной трактовке состояния

правового порядка. Так, в ряде случаев может возникнуть представление о том, что законодатель упустил какой-то фрагмент правовой жизни, что способствовало появлению пробела. Однако в действительности воля законодателя была сформулирована так специально, в силу необходимости достижения правового эффекта. К примеру, в теории права известно такое понятие, как квалифицированное молчание законодателя, ярким проявлением которого выступают открытые перечни.

Проведенный анализ позволяет предположить, что специализация субъектов общественного контроля, их автономность и неза-

висимость являются не дефектом правового порядка, а напротив, выражением государственной воли, закрепляющей специфическое содержание и границы публично-правового порядка, в том числе и посредством квалифицированного молчания.

Таким образом, проблема правовой политики имеет важное значение, поскольку позволяет увидеть вектор развития правотворческой деятельности, применения и толкования права. Правовая политика обладает определенными формой и содержанием, анализ которых способствует созданию всестороннего представления о состоянии правопорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боброва, О. 10 минут в классе воспитательной работы / О. Боброва. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/07/20/77222-10-minut-v-klasse-vozpitatelnoy-raboty> (дата обращения: 05.01.2021).
2. Богославский, Е. А. Вопросы теоретико-правового понимания правовой политики / Е. А. Богославский, А. Г. Эртель // Право и практика. – 2014. – № 1. – С. 29–34. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-teoretiko-pravovogo-ponimaniya-pravovoy-politiki> (дата обращения: 05.01.2021).
3. Данные судебной статистики // Сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 17.02.2020).
4. Дело «Хорошенко (Khoroshenko) против Российской Федерации» (жалоба № 41418/04) : постановление Европейского Суда по правам человека от 30.06.2015 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2015. – № 9 (159). – С. 107–140.
5. Коробова, А. П. О некоторых признаках правовой политики / А. П. Коробова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2020. – № 2 (95). – С. 35–43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-priznakah-pravovoy-politiki> (дата обращения: 05.01.2021).
6. Малько, А. В. Теория правовой политики : монография / А. В. Малько. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 325 с. – ISBN 978-5-43960-065-6.
7. Матузов, Н. И. Российская правовая политика: вызовы и угрозы XXI в. / Н. И. Матузов // Правовая политика России: теория и практика : монография / под редакцией А. В. Малько, Н. И. Матузова. – Москва : ТК Велби : Проспект, 2006. С. 6–53. – ISBN 5-482-01430-4.
8. О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 16.10.2017 № 292-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 43 (ч. II). – Ст. 6226.
9. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 43. – Ст. 5544; 2015. – № 40. – Ст. 5581.
10. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания : федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 24. – Ст. 2789; 2018. – № 53 (ч. I). – Ст. 8454.
11. По делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н. В. Королева и В. В. Королевой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 24-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 48 (ч. III). – Ст. 6839.
12. Пузиков, Р. В. Формы реализации правовой политики / Р. В. Пузиков // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (129). – С. 163–171. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-realizatsii-pravovoy-politiki> (дата обращения: 17.02.2020).
13. Annison, H. Politics and Penal Change: Towards an Interpretive Political Analysis of Penal Policymaking / Harry Annison // The Howard Journal of Crime and Justice. – 2018. – Volume 57, no. 3. – Pp. 302–320. – DOI: 10.1111/hoj.12269. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/hoj.12269> (дата обращения: 07.04.2020).
14. Are Hope and Possibility Achievable in Prison? / Alison Liebling et al. // The Howard Journal of Crime and Justice. – 2019. – Volume 58, no 1. – Pp. 104–126. – DOI: 10.1111/hoj.12303. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/hoj.12303> (дата обращения: 07.04.2020).
15. Armstrong, S. Persistent Punishment: User Views of Short Prison Sentences / Sarah Armstrong, Beth Weaver // The Howard Journal of Crime and Justice. – 2013. – Volume 52, no 3. – Pp. 285–305. – DOI: 10.1111/hoj.12015. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/hoj.12015> (дата обращения: 07.04.2020).
16. Armstrong, S. Securing Prison through Human Rights: Unanticipated Implications of Rights Based Penal Governance / Sarah Armstrong // The Howard Journal of Crime and Justice. – 2018. – Volume 57, no. 3. – Pp. 401–421. – DOI: doi.org/10.1111/hoj.12270. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/hoj.12270#hoj12270-bib-0061> (дата обращения: 07.04.2020).
17. Bennett, J. The Good, the Bad and the Ugly: The Media in Prison Films / Jamie Bennett // The Howard Journal of Criminal Justice. – 2006. – Volume 45, no 2. – Pp. 97–115. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1468-2311.2006.00408.x> (дата обращения: 07.04.2020).

18. Meijer, S. Rehabilitation as a Positive Obligation / Sonja Meijer // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. – 2017. – Volume 25, no. 2. – Pp. 145–162. – DOI: <https://doi.org/10.1163/15718174-25022110>. – URL: https://brill.com/view/journals/eccl/25/2/article-p145_4.xml (дата обращения: 07.04.2020).
19. Ouwerkerk, J. Balancing Mutual Trust and Fundamental Rights Protection in the Context of the European Arrest Warrant. What Role for the Gravity of the Underlying Offence in CJEU Case Law? / Jannemieke Ouwerkerk // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. – 2018. – Volume 26, no. 2. – Pp. 103–109. – DOI: <https://doi.org/10.1163/15718174-02602002>. – URL: https://brill.com/view/journals/eccl/26/2/article-p103_103.xml (дата обращения: 07.04.2020).
20. Robinson-Edwards, Sh. The Arts, Rehabilitation or Both? Experiences of Mentoring Artists in Prison and Beyond / Shona Robinson-Edwards, Elizabeth Yardley, Morag Claire Kennedy, Emma Kelly // *The Howard Journal*. – 2020. – Volume 59, no 4. – Pp. 484–504. – DOI: 10.1111/hojo.12390 ISSN 2059-1098. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/hojo.12390> (дата обращения: 07.04.2020).

REFERENCES

1. Bobrova O. *10 minut v klasse vospitatel'noi raboty* [10 minutes in the classroom of educational work]. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/07/20/77222-10-minut-v-klasse-vospitatel'noy-raboty> (accessed January 5, 2021).
2. Bogoslavskii E.A., Ertel' A.G. Questions of theoretical and legal understanding of legal policy. *Pravo i praktika=Law and Practice*, 2014, no. 1, pp. 29–34. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-teoretiko-pravovogo-ponimaniya-pravovoy-politiki> (accessed January 5, 2021). (In Russ.).
3. Data of judicial statistics. *Website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation*. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed February 17, 2020). (In Russ.).
4. Case of Khoroshenko v. Russia (Application no. 41418/04): Judgment of the European Court of Human Rights. In: *Byulleten' Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka* [Bulletin of the European Court of Human Rights]. 2015. No. 9 (159). Pp. 107–140. (In Russ.).
5. Korobova A.P. On certain features of legal policy. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva=Tatishchev Volzhsky University Bulletin*, 2020, no. 2 (95), pp. 35–43. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-priznakah-pravovoy-politiki> (accessed January 5, 2021). (In Russ.).
6. Mal'ko A.V. *Teoriya pravovoi politiki: monografiya* [Theory of legal policy: monograph]. Moscow: Yuritinform, 2012. 325 p.
7. Matuzov N.I. Russian legal policy: challenges and threats of the 21st century. In: Mal'ko A.V., Matuzov N.I. (Eds.). *Pravovaya politika Rossii: teoriya i praktika: monografiya* [Legal policy of Russia: theory and practice: monograph]. Moscow: TK Velbi: Prospekt, 2006.
8. On amendments to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation: Federal Law no. 292-FZ of October 16, 2017. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2017. No. 43 (part II). Art. 6226. (In Russ.).
9. On the Concept for development of the penal system of the Russian Federation until 2020: Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1772-r of October 14, 2010 (as amended on September 23, 2015). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2010. No. 43. Art. 5544; 2015. No. 40. Art. 5581. (In Russ.).
10. On civic oversight of the observance of human rights in places of forced detention and on assistance to persons in places of forced detention: Federal Law no. 76-FZ of June 10, 2008 (as amended on December 27, 2018). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2008. No. 24. Art. 2789; 2018. No. 53 (part I). Art. 8454. (In Russ.).
11. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 15, 2016 no. 24-P on the constitutionality of paragraph “b” of Part 3 of Article 125 and Part 3 of Article 127 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation in connection with the application of the Vologda Regional Court and the complaint of citizens N.V. Korolev and V.V. Koroleva. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2016. No. 48 (part III). Art. 6839. (In Russ.).
12. Puzikov R.V. Forms of realization of legal policy. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki=Tambov University Review. Series: Humanities*, 2014, no. 1 (129), pp. 163–171. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-realizatsii-pravovoy-politiki> (accessed February 17, 2020). (In Russ.).
13. Annison H. Politics and penal change: towards an interpretive political analysis of penal policymaking. *The Howard Journal of Crime and Justice*, 2018, vol. 57, no. 3, pp. 302–320. DOI: 10.1111/hojo.12269. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/hojo.12269> (accessed April 7, 2020).
14. Liebling A. et al. Are hope and possibility achievable in prison? *The Howard Journal of Crime and Justice*, 2019, vol. 58, no 1, pp. 104–126. DOI: 10.1111/hojo.12303. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/hojo.12303> (accessed April 7, 2020).
15. Armstrong S., Weaver B. Persistent punishment: user views of short prison sentences. *The Howard Journal of Crime and Justice*, 2013, vol. 52, no. 3, pp. 285–305. DOI: 10.1111/hojo.12015. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/hojo.12015> (accessed April 7, 2020).
16. Armstrong S. Securing prison through human rights: unanticipated implications of rights based penal governance. *The Howard Journal of Crime and Justice*, 2018, vol. 57, no. 3, pp. 401–421. DOI: doi.org/10.1111/hojo.12270. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/hojo.12270#hojo12270-bib-0061> (accessed April 7, 2020).
17. Bennett J. The Good, the Bad and the Ugly: the media in prison films. *The Howard Journal of Criminal Justice*, 2006, vol. 45, no. 2, pp. 97–115. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1468-2311.2006.00408.x> (accessed April 7, 2020).
18. Meijer S. Rehabilitation as a positive obligation. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 145–162. DOI: <https://doi.org/10.1163/15718174-25022110>. Available at: https://brill.com/view/journals/eccl/25/2/article-p145_4.xml (accessed April 7, 2020).
19. Ouwerkerk J. Balancing mutual trust and fundamental rights protection in the context of the European Arrest Warrant. What role for the gravity of the underlying offence in CJEU Case Law? *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 2018, vol. 26, no. 2, pp. 103–109. DOI: <https://doi.org/10.1163/15718174-02602002>. Available at: https://brill.com/view/journals/eccl/26/2/article-p103_103.xml (accessed April 7, 2020).

20. Robinson-Edwards Sh., Yardley E., Kennedy M.C., Kelly E. The arts, rehabilitation or both? Experiences of mentoring artists in prison and beyond. *The Howard Journal*, 2020, vol. 59, no. 4, pp. 484–504. DOI: 10.1111/hojo.12390. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/hojo.12390> (accessed April 7, 2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СВИНИН – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>, e-mail: evsvinin@yandex.ru

КУБЫШКИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – курсант 171 учебной группы 4 курса юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3991-9423>, e-mail: telyatnickow.alex@yandex.ru

EVGENII V. SVININ – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, deputy head of the Department of State and Legal Disciplines at Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>, e-mail: evsvinin@yandex.ru

ALEKSEI N. KUBYSHKIN – fourth-year cadet, Group 171, Faculty of Law, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3991-9423>, e-mail: telyatnickow.alex@yandex.ru

Статья поступила 08.04.2020
